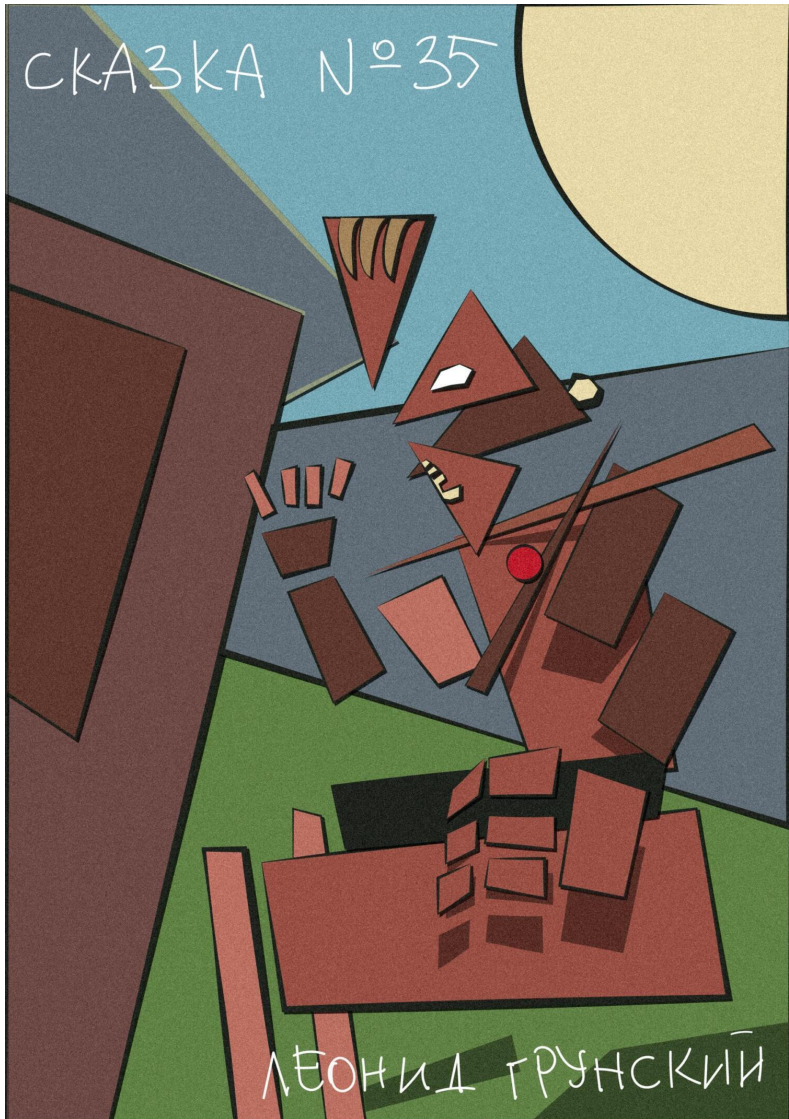

СКАЗКА №35

ЛЕОНИД ГРУНСКИЙ

Леонид Грунский

Сказка #35

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320418

SelfPub; 2024

Аннотация

На бескрайних просторах юга Америки, среди затерявшихся в полях одиноких ферм офицер полиции ведёт своё расследование. Сбегая от утомительной бумажной волокиты, колесит по полям штата и собирает информацию о необычных событиях, пугающих местных жителей, которые с недоверием относятся к прибывшему офицеру, но стремительно развивающиеся события толкают всех к разгадке этого интригующего и жуткого вопроса.

Леонид Грунский

Сказка #35

– Может быть, вы слышали какие-то слухи – об этом? – задал вопрос полицейский.

Его голос хоть и звучал строго «по форме», но интонация внушала доверие.

– Да ими переполнена вся местность, – совершенно ничего не стесняясь ответил фермер, сидящий в пикапе.

Коп стоял рядом с большим и пыльным автомобилем в классической позе стража закона: руки упёрты в бока, чуть опущенный подбородок, ноги на ширине плеч и наклонённая голова, подразумевающего слушателя, заинтересованного в беседе. Выражение лица полицейского с первого взгляда располагало к доверию, но простота фермера, сидящего в машине, и ненависть местных жителей к тому объекту совершенно не позволяли скрывать эмоции. Мужчина в пикапе же при всём своем строгом отношении к органам правопорядка всё-таки старался решить накипевшую проблему. Хотя некий осадок от прошлых, безуспешных попыток достучаться до властей, у него был.

Фермер продолжил:

– Здесь каждый знает, что из себя представляет этот упырь. Вы наверно слышали и сами, или читали? Может сейчас найдётся какая-то сила, в виде вас, офицер, и мы, – муж-

чина развернулся в машине почти целиком в сторону копа. Его левый локоть вываливался из окна, – и мы наконец перестанем закрывать окна на ночь в эту дикую жару? Кондиционер нынче дорого обходится моей большой семье. Что скажете, офицер?

– Он представляет опасность? – уточнил полицейский, явно заинтересованный в ответах, ведь мысли и версии, пока ещё сырые, только начали сформировываться в его голове.

– Мои дети, сэр, – мужчина, явно доведённый ситуацией до предела, вышел из автомобиля заглушив его, при этом, сильно хлопнув дверью, – у меня три дочери. И мы не можем оставить на ночь открытыми ни дверей, ни окон. Это сложно объяснить, сэр, мы боимся.

Фермер был выше на голову собеседника. Его большая ковбойская шляпа придавала ему вид не просто здоровяка, а человека, готового пахать вместо трактора, ради урожая и блага своей семьи. Именно такие, с ружьём в руках, всегда первыми шли в любом гражданском патруле. Клетчатая рубашка, узкие брюки и, неотъемлемый атрибут, – кожаные сапоги.

«Держу пари, – подумал полицейский, – ткни в любого встречного в этой местности и попадёшь в кузена этого здоровяка или ближайшего родственника».

Полицейский чуть уступал ему в росте. Уверенный, пронзительный взгляд, волевые черты лица, выдавали в нём человека, который ответит не просто за каждое слово, а за каж-

дую букву... Но быть ниже на голову – это серьёзная разница: «Впрочем, это не имеет никакого отношения к делу, рассуждал он».

Полицейский посмотрел по сторонам. Многолетний опыт работы – всё держать под контролем.

Вокруг него, на всё то, куда может упасть человеческий глаз, простирались поля с разными культурами, которые покрывали выпуклые холмы. То тут, то там, виднелись ветряки и страдающие от еле живого ветра в такое пекло редкие деревья.

– Мне нужны подробности, – сказал наконец коп и снял шляпу, взяв её в руку.

– У нас нет фактов, есть слова моего кузена забулдыги и некоторых соседей. Дети.

– Слухи, подозрения. Всё, что может навести на мысль, – повторился полицейский, – это нужно лично мне для понимания ситуации. Это не для отчётов и бумажной волокиты. Моя задача решить вопрос на деле...

– Я вижу, – фермер подошел вплотную к офицеру, чтобы беспокойство и речь его, в которой слышались нотки усталости и мольбы, дошли наконец до служителя закона, – что вы человек ответственный и на первом месте у вас дело, а не написание отчетов для того, чтобы достать пистолет. Но если и вы не сделаете так, чтобы «это», – и он широким жестом указал в сторону дома с амбаром, что стоял на вершине небольшого холма, – убралось из нашей местности, мы бу-

дем брать ситуацию с свои руки.

– Это нарушение закона, – перебил его полицейский, – позвольте мне вмешаться в ситуацию. Лично мне, а не всему департаменту и вы увидите..

– Нам плевать! – не выдерживал фермер, перебив его. – Мы хотим тишины и спокойствия для нас и наших детей! Нам нужны наконец действия!

Руки фермера, жилистые, привыкшие к работе, и сильные, сжались в тугие кулаки и были подняты, словно готовые к драке.

– Да, да, – осторожно опустив руку фермера, ответил коп. – Успокойтесь. Силу мы всегда успеем применить. Она нужна, но при необходимости.

Полицейский очень спокойно развернулся и неспешно пошёл в патрульной машине, что стояла на обочине этой пыльной, ухабистой дороги. Протиснулся в открытое окно и через полминуты, вынырнув, достал небольшой, объёмом на пару кружек, термос.

Отвинтив крышку, он протянул термос фермеру.

– Кофе? – произнёс он и приветливо улыбнулся. – Я здесь, чтобы помочь.

Фермер с недоверием посмотрел на офицера и на термос, но ему даже мысль не пришла в голову о том, на сколько коп тонкий психолог. Он вытянул руку и, взяв из рук полицейского термос, сделал несколько осторожных глотков. Кофе мог быть горячим.

Сработало.

Выражение лица офицера же никак не изменилось. Его губы не дрогнули, глаза не выдали никаких эмоций. Он был словно энциклопедия, всезнающая, мудрая и оттого суровая и на первый взгляд неприветливая.

Его обветренное лицо, человека работающего «вне офиса», так же расположило к себе простого сельского труженика, а ещё этот трюк с кофе... Интонация фермера изменилась, настойчивость мигом сменилась доверием и надеждой на помощь.

«Всё-таки кофе делает чудеса, – думалось копу».

– ...И всё-таки, – офицер сделал глоток из термоса, – что говорят местные?

– Всякие нехорошие факты, – и он провёл рукой по лбу, словно вытирая пот и вспоминая.

Его взгляд устремился на мгновение в небо, потом на дорожную пыль, снова на полицейского, и он начал рассказ:

– Говорят, что он чуть ли не ест людей, но вы же понимаете, сказать могут всякое.

– Конечно, – кивнул полицейский, – но мне как раз и надо выяснить, какова доля слухов на процент правды.

– В общем, – мужчина упёр руку в бок, направив вторую открытой стороной ладони к офицеру, – он шляется по близлежащим фермам и подрабатывает где придётся. Постоянной работы нет. Где-то капают ямы, убирает навоз, чистит. В технику он не лезет, не позволяют. Слишком он тупой для

этого. Нет ни навыка ни образования, всегда был на привязи к дому и своей мамаше, да и сомневаюсь, что кто-то из работников доверит чужому лезть в его трактор. Часто видят его в какой-то киркой или топором бродящим по окрестностям. Мы иногда созваниваемся с родственниками и предупреждаем друг друга, чтобы не выпускали детей из дома, если его заметят в районе чьего-то хозяйства.

Один из наших, но ему нет большого доверия, утверждает, что видел его мать, уже после кончины, буквально неделю назад. Но был он в стельку пьян... Думаю, сами догадываетесь...

– Можно здесь остановиться немного подробнее? – уточнил полицейский.

– Какие тут подробности, – почесав затылок, произнёс фермер. – Час или два ночи, мой кузен возвращался из пивнушки пешком, на машине ведь нельзя. Услышал шелест в дереве, недалеко от своего дома, там было хоть какое-то освещение и с пьяного глаза пытался спугнуть птицу...

– Птицу?

– Именно. В нашей местности много сычей и если он сядет недалеко от твоего дома и начнёт плакать, или жди беды или, как минимум, бессонной ночи. Мурашки по коже.

– Возвращаясь к его матушке...

– Да, да, конечно, – осёкся фермер, – кидал он какие-то палки да камни в крону дерева, но толку никакого не было, что-то всё-таки там шевелилось. Ветки наклонялись и тре-

щали, вот братец и решил разглядеть эту гадкую птицу, может даже подстрелить. Всмотриваясь в пространство между веток, ничего не было видно и сбегал за фонарём.

Бегая лучом по кроне, он и заметил грязные следы и, подняв резко руку с фонарём прямо над собой, увидел лицо этой жуткой старухи. Высохшее, серо-жёлтого цвета лицо с кровотоющими глазами... и так испугался, что мигом протрезвел.

Пока сбегал за ружьём, его мамаша уже спорхнула с этого дерева. С тех пор, как темнеет, мы запрещаем детям играть на улице.

– А следы на дереве?

– Да, мы их видели, и я лично, это действительно было. Но зная, как братец может нализаться... Но это не первые небывальщины, что он травит под этим делом, так что.

– За счёт чего же питается, хм, ваш сосед?

– Платят ему продуктами. Зимой он подрабатывает у тётки торгашки, здесь, на краю города. Грузчик, что-то такое. Остальное время он шляется по окрестностям в поисках не пойми чего или кого. Бывало видели его по дороге с кладбища. Много раз.

Когда-то поговаривали, что ищет он здесь золото, хотя, Господи, откуда здесь может быть золото!?! – возмущался фермер. – Посмотрите вокруг, поля, три дома в радиусе тридцати ближайших миль, – и широким взмахом руки, будто показал окрестности, но как только рука его дошла до сто-

роны дома этого жуткого типа, он её немедленно опустил.

– А семья?

– Мать, – коротко ответил мужчина, – была мать когда-то. Опять же, говорили, что он трахал её до самой смерти и непонятно, кто кого к этому принуждал. Но они там все были больны на голову, кроме её дочери. Подумать только, трахать собственную мать! Да за одно это только он уже должен гореть в аду при жизни. Мы люди верующие и подобные мысли нам не свойственны.

– Кровные родственники? – без эмоций произнёс коп. – Вы сказали у неё была дочь?

– Была у него когда-то сестра, дочь этой ведьмы, но она пропала здесь при невыясненных обстоятельствах. У вас же должна быть информация. Может это его дочь от собственно матери, кто знает. У них никогда не было мужчины в доме, кроме этого вот...

– Я знаком, – кивнул коп, – архивы есть, но информацию надо будет уточнить.

– Она была ещё девчонкой когда исчезла. Красивая она была, сильно младше этого упыря. Чуть сутулая, но всё же красивая. Я тогда был совсем сорванцом. Как она пропала, нас сразу перестали выпускать дальше ста метров от дома, но со временем, всё утихло. Её так и не нашли.

– А мать. Как давно она умерла?

– А точно никто и не знает, – фермеру явно не нравилась именно эта часть разговора. – Год назад, тепло было. Да, на-

верно в конце прошлого лета.

И ещё, говорили местные мальчишки, кормила его грудью чуть ли не до совершеннолетия. Они видели это, когда бродили ещё безбоязненно, – он сделал небольшую паузу задумавшись. – Спать с собственной матерью, да как это так! – вырвалось у него негодование и непонимание.

Ходят слухи, что когда она почила, он занимался с ней этим ещё две недели, прежде чем узнали, что её больше нет.

– В какое время года это было, можете сказать точнее?

– Август, наверно.

– В такую жару она пролежала в доме две недели?!

– Кто его знает, офицер, – собрав все отвращение у себя во рту, фермер плюнул на пыльную землю в стороне от себя.

– Когда он задерживался где-то на работе, – продолжил он, – мать приходила и прогоняла его домой, ругаясь на чём свет стоит. Поносила всё и вся. Буквально проклинала всех, кто находился рядом. Старая ведьма. А потом запирала его в своём амбаре. Вот из этих её проклятий мы и слышали, что это он виноват в пропаже его сестры. Кори. Да, кажется её звали Кори.

Однажды я слышал, как мой отец рассказал матери, что эта старая выдра, ругая своего уroda, заговорила на каком-то непонятном языке. Тот среагировал незамедлительно. И это был не единственный случай. В такие моменты он за секунду становился послушным и, обмякший, шёл за ней, бросая любую недоделанную работу, инструменты, везде, где она его

бы не застала. Слышал, что они приехали в Америку из какой-то страны на севере Европы.

А труп забрали в августе. Нашли её с раскоряченными ногами и рядом, вы не поверите, стояла горячая миска супа, приготовленная для трапезы. А она давно уже труп, начала разлагаться.

– Но это слухи?

– Нет, офицер, – снова вытертый лоб и плевок в пыль. – Там, в качестве понятых, были мои знакомые и родственники, не доверять которым я не имею права.

– А как вообще возникло подозрение, что она уже не жива?

– Кто-то из соседей указал на то, что сынок её, этот выродок, работал несколько дней без остановки, не уходя на ночь. И она за ним не приходила. Так и подумали.

– А электричество в доме есть? – поинтересовался коп.

– Откуда, – ухмыльнулся фермер, – там со времён колонистов нет даже колодца. Уж не знаю, где и как они добывают воду, а света отродясь не было. Там из удобств только большой амбар и многоквартирный дом. Небось и туалета даже нет.

– Сейчас май, – уточнил коп, – и ночи ещё прохладны. Как вы думаете, вот тот еле видный дымок, что вырывается из трубы окна дома, говорит о том, что он сейчас прибывает там?

– Мы всё реже видим его, – фермер повернулся в сторо-

ну дома. – Поговаривают, что стали чаще видеть его шатающимся в сумерках. Сейчас, видимо, дома. На работу не приходит.

– У вас есть какие-то догадки по поводу пропажи его сестры?

– Ревность брата, правда раньше я так не думал. Девчонка была хорошенькая, братец её люто ненавидел. Их даже вместе никогда играющими не видели.

– Спасибо вам большое, – и офицер протянул руку.

– Наведите здесь порядок, – и протянул руку в ответ. – Очень вас прошу. Иначе быть беде.

– Я оставлю вам номер телефона?

– Спасибо. Совсем нет времени. Много работы. Простите.

Две машины завелись и тронулись в разных направлениях и вряд ли кто-то из мужчин видел, как от одного из оконных проёмов дома, о котором говорили мужчины, отошла чёрная тень и стала на её место широкая, серо-чёрная, выгоревшая на солнце, доска.

Жаркий день подходил к концу, солнце делало первые попытки спрятаться за невысоки постройками пригорода. Тени удлинились и всё окрашивалось в яркий цвет апельсинового сока.

Офицер поднялся в свой небольшой кабинет, заваленный ненавистными бумагами дел. В окне его кабинета уже было темно. Белый, холодный и яркий свет заполнял всё пространство кабинета.

На столе лежала принесённая в отсутствие офицера папка с делом о смерти матери и ещё более ветхая папка, о пропаже дочери. В отдельных кармашках обеих папок, всего по несколько фотографий. Общее фото дома, с большой когда-то, пристроенной верандой, большие двойные двери при входе. Фото обнаженного трупа с раскинутыми в сторону ногами, – «Неприятное зрелище» – подумал коп. На обороте одной из фотографий от руки набросок плана дома. «Всё верно, шесть комнат, – рассуждал он, – а с виду не скажешь».

В участке была полная тишина, лишь изредка доносились диалоги остроумных дежурных, проводящих время где-то в помещении первого этажа.

Раздался телефонный звонок. Послышались громкие шлепки шагов и на первом этаже подняли трубку. Мгновение спустя раздался звонок в кабинете.

Офицер поднял трубку:

– Я слушаю.

– Это дежурный офицер, сэр, – бубнил запыхавшийся голос, – вам поступил звонок. Сказали срочно.

– Конечно, соединяй.

На другой стороне провода послышалось тяжёлое дыхание и резкий, громкий «Алло! Алло! Офицер. Приезжайте, нужна ваша помощь. Иначе мои парни наделают проблем».

– Немедленно выезжаю, – ответил коп, но на той стороне уже слышались короткие гудки.

Быстро спустившись вниз, он созвал двух дежурных, один

из которых был в тапочках, но при форме.

– Бобби, тебе надо срочно худеть, – сделал замечание он, едва улыбаясь.

– Как поступит приказ, – рапортовал в ответ грузный толстяк с большими, во всё лицо усами. – Что-то серьёзное?

– Да. Мы немедленно выезжаем. Собирайте всё необходимое. Вы нужны мне оба.

– Но кто будет отвеч...

– Переведите все звонки на «округ». У вас две минуты.

Но уже через минуту оба дежурных были готовы и сидели в машине.

– За участком присмотрит мой младший, – поставил в известность усатый полицейский, сидящий впереди рядом с офицером.

– Ты знаешь, Рой, – включив на повороте проблесковые маячки ответил он добродушному толстяку, – я не боюсь за оружие на складе, даже не переживаю за бумаги и фотографии трупов, что лежат на моём столе и которые так притягивают подростков. Я боюсь, что наш участок может сгореть дотла.

– Исключено, – моментально отреагировал усатый. – Мо-ему парнишке уже шестнадцать и он...

– Перестал или забросил свои опыты с огнём?

– Сегодня он будет с бабушкой.

– С бабушкой? – переспросил коп, сидящий на заднем сидень. Он уже предвкушал очередную порцию ситуаций, над

которыми можно от души посмеяться.

– С бабушкой, – слышна была в голосе этого усатого нотка грусти, – он теперь будет пару лет под её надзором.

– Это ещё что такое? – не переставал удивлять напарник сзади.

Офицер внимательно слушал, он знал, что ни дня не проходило без происшествий в доме его коллеги.

– После третьего пожара, – выдохал он, – мы призвали высшие силы к себе на помощь...

– И это была бабушка... – только прозвучала эта фраза откуда-то сзади, напарник провалился в дикую истерику от смеха, прикрывая свой живот руками.

Из города выехала полицейская машина. Как только она въехала на мот, проблесковые маячки погасли и вокруг снова воцарилась световая тишина. Ещё через полминуты машина скрылась за очередным поворотом.

Подъезжая к месту, офицер выключил дальний свет фар и начал пристально всматриваться во мглу, окружающую их. Поля вокруг и холмистая местность только изредка позволяли рассмотреть свет, горящий у чьего-то одиноко стоящего дома и ориентироваться.

«Ага, – произнёс коп и свернул на обочину резко остановившись».

– Берём оружие, фонари – заявил он выходящим из машины напарникам.

– Куда мы всё-таки приехали? – отозвался один из них.

– Ты помнишь моё увлечение мистикой?

– Все, кому можно об этом знать, в курсе, – слышалось в ответ.

Они, светя одним фонарём, таков был приказ старшего по званию, себе в ноги шли по запылённой грунтовой дороге.

– Так вот, Бобби. Я ещё не нашёл ни одного доказательства того, что это на самом деле существует.

– Но как это связано с тем, что мы здесь?

– У нас есть шанс доказать обратное и, как мне кажется, – офицер расстегнул кобуру и положил руку на рукоять пистолета, – у нас есть шанс сегодня, снова опровергнуть нечто подобное.

После того, как прозвучала последняя фраза, оба напарника притихли. Один из них перехватил и в слабых лучах единственного фонаря перепроверил патроны.

Невдалеке показался большой, продуваемый всеми ветрами насквозь, амбар.

Все трое подошли вплотную. Вдали слышались мужские голоса и крики какого-то нетерпения.

Выйдя из-за амбара, удалось рассмотреть несколько мужчин с фонарями снующих вокруг небольшого, покосившегося от времени дома с небольшой верандой и полным запустением вокруг.

Офицер закрыл кобуру, и твёрдым, уверенным шагом направился к ближайшему мужчине. Тот, заметив его, опустив ружьё, пошёл навстречу.

– Что происходит? – задал вопрос полицейский.

– Мы поймали её, – ответил рослый мужчина в ковбойской шляпе, именно тот, с кем ещё днем общался коп.

– Кого её, объясните и уведите людей от дома, – серьезным голосом приказывал он, – это частная собственность.

– Микки, Майк, – крикнул фермер, – сюда.

Мужчины, опустив ружья, неспешно подошли ближе, но всё так же держали фонари направленными в сторону дома.

– Моя дочка сегодня видела мамашу этого вурдалака, – заявил один из мужчин.

– Моя жена, тоже видела, – объявил второй, – сгнившая старуха наблюдала за игрой детей около нашего поля.

– Это не всё, офицер, – произнёс фермер. – Мой двоюродный братец, вы не поверите, был сегодня трезв и возвращался из города на машине. Въехав на просёлочную дорогу, лучи его фар вырвали из темноты не просто силуэт, он отчётливо видел даже лицо этой ведьмы...

– А её сын?

– Тишина, – констатировали мужчины. – Скорее всего он в доме где и мамаша, которую удалось загнать лучами фонарей. Она изредка мелькает в щелях между досок, которыми забиты окна.

– Будем разбираться, – закончил диалог коп и, повернувшись назад, приказал, – оба за мной, будем входить.

– А разрешение? – заметил один из копов.

– Этот дом больше тридцати лет никому не принадлежит.

Оба кивнули в ответ.

– А нам что делать? – задали вопрос оставшиеся.

– Светите в дом снаружи.

Все трое подошли к небольшой, заколоченной с одной стороны, двери.

Один из полицейских громко предупредил, что они готовятся для входа и они, не медля ни секунды, ударив плечом в свободную от досок дверь, оказались внутри.

Тут же в нос ударил резкий запах гнили и во рту появился вкус горечи.

Прикрывая друг друга не только оружием, но и светом фонарей, они видели, как за ними стараются следить снаружи, подсвечивая и помогая в забитом наглухо доме.

Полнейший хаос открылся их взору. Лицо и нос хотелось прикрыть рукой. От тошнотворного запаха выедало даже глаза.

Войдя в одну из комнат, они обнаружили тело уродливой, в нитки разорванном и насквозь пропитанным разлагающейся плотью сарафана, старухи.

– Я бы, наверно, лучше столкнулся с мистикой, – заметил один из копов и его тут же вырвало.

Офицер подошёл ближе и, водя по телу лучом света, комментировал увиденное:

– Гинеталии отрезаны. Тело наполовину разложилось. Надо здесь всё осмотреть, возможно её сын здесь.

Пока два напарника ушли на обследование дома, прикры-

вая друг друга, сам офицер начал пристально изучать внутреннее содержание комнаты.

Чего здесь только не было: старые, ржавые от времени ножи и косы, серпы, изъеденные ржой молотки и топоры, на которых явно виднелись остатки недавней заточки. Стены дома зияли насквозь, но сквозняк, шурующий меж дырах в досках, никак не мог справиться со смрадом, находящимся внутри.

Осмотрев всё вокруг, офицер решил вернуться к трупу, но каково было его удивление – тот отсутствовал. Виднелась только едва видимая глазу цепочка нечётких следов ведущая в другую комнату. Он присмотрелся и ударил себя в лоб фонарём, проклиная за невнимательность. Рядом виднелись такие же следы, но высохшие, а это значит, что труп пришёл сюда сам, своими ногами.

Следовало немедленно предупредить остальных.

Офицер показался во входном проёме дома и задал поджидающему его мужчине вопрос:

– Кто-нибудь выходил?

– Нет, сэр, – по-военному ответил мужчина. – Один из ваших в дальней комнате производит осмотр, но ничего не нашёл, – заметил он, – мы спрашивали через окно.

– А второй?

– Мелькал в окнах, – пожал плечами, – молчит.

Офицер тут же пропал в тёмном дверном проёме.

Ему не верилось, что трупы могут ходить, он вторил себе,

что должно быть объяснение происходящему, что нельзя вот так, мёртвому уже не первый год, подняться из могилы.

В дальней комнате, где обследование проводил один из полицейских, зашёл офицер.

– Почему вы разделились?

– Бобби пошёл искать подвал, – с удивлением произнёс он. – В доме полно шумов, мы слушали в разных частях его шаги и скрипы, решили, что так будет продуктивнее.

– Но это небезопасно! – выпалил офицер. – Это нарушение приказа!

– Я знаю, но...

– Никаких но! – и тон его был категоричен.

Держа оружие наготове, оба они отправились обследовать оставшиеся комнаты, которые небольшими чуланами ютились справа и слева от длинного коридора.

– Не хочу тебя пугать, – шёпотом говорил офицер, – но старушки нет на месте.

– Дева Мария, – произнёс ошарашенный коп. Оцепенев от увиденного громко икнул, что и привело его в чувство. – У меня волосы подмышками зашевелились. Я обязательно расскажу это своим сорванцам, это настоящее приключение. Может хоть тогда они отвлекутся от точных наук.

Уже молча, они вошли в большую гостиную. Стоящий в центре сложенный диван чем-то напоминал виденного ранее мертвеца, такой же полуразложившийся, с зияющими дырами разных размеров, выцветший и пропитанный тоннами

непонятной, смердящей юшки.

Луч света фонаря выхватывал такие же «разложившиеся» вещи некогда богато обставленной комнаты.

Сделав круг, напарники замерли от онемения. В дверном проходе стояла старуха держащая в руках ржавый топор.

– Если вы не опустите топор, – выдавил из себя офицер, – мы вынуждены будем открыть огонь.

Старуха не отреагировала, лишь подняла топор выше. Вторая рука её была спрятана за спиной.

– Мэм, ещё раз повторяем, – настойчиво и твердо произнес второй полицейский, – немедленно опустите топор.

Рука старухи разжалась и топор, грузно ударившись один раз об упругие, сухие доски дома, оказался на полу.

Вторая рука «трупa» медленно начала показываться из-за спины. Лицо её обезображивала страшная гримаса злорадства отрезанных губ. По шее текла кровь сливаясь с цветом разложившегося тела.

Как только офицер увидел блеск металла в руке старухи, тут же раздался громкий хлопок, ударивший по ушам, и старуха пропала из дверного проёма.

Копы подошли ближе, но тело старухи не увидели сразу, слишком темно, слишком много хлама в комнатах и разглядеть в этой разрухе нечто похожее на человека, было сложно.

Как только свет фонаря вырвал тело из темноты, стало понятно, что точным выстрелом она была поражена в лицо, от чего безобразная улыбка, так и не сошедшая с него, провали-

лась внутрь, полностью обнажив зубы и вывернув нос. Юшка крови на растеклась далеко, она быстро впиталась высохшими за многие года досками.

– Это пистолет Бобби, – произнёс напарник, и они мигом бросились на его поиски.

Сразу после выстрела, пробираясь через захламлённые комнаты, появились фермеры, ожидающие до этого снаружи. словно натасканные псы они шныряли по дому, но не находили никаких признаков второго полицейского. Поиски оказались тщетны.

Через три часа после случившегося, наступило утро. Дом был исследован весь, в этом помогали и прибывшая подмога и местные фермеры, в числе которых был и тот самый, первый свидетель.

Никаких результатов.

Стоя рядом с машиной, держа в руках уже севший, но не выключенный, еле горящий фонарь, задавал свои вопросы офицер группе подмоги, прибывшей около часа назад.

– Не мог он убежать, он не трус, я за него ручаюсь, – говорил он.

– Но другого объяснения нет! – отвечал ему эксперт. – Он не мог просто испариться, он или ушёл и заблудился, либо на этот вопрос могут ответить только злые духи.

– И вы туда же? – иронично заявил коп. – Мы несколько часов назад убили человека, переодевающегося в кожу его разложившейся матери, никаких живых мертвецов не суще-

ствуует.

– И всё же, несмотря на ваши доводы и правоту...

– Мне нужно объяснение. Я знаю, что мистики не существует.

– Мы ничего не можем пока сказать. Простите, офицер.

Как только последняя полицейская машина отъехала от дома и рядом не осталось никого и ничего, кроме ограждающей бело-красной ленты, развевающейся на ветру, с тыльной стороны дома показался человек.

В дом полетела открытая канистра бензина и зажигалка, не успевшая погаснуть в полёте.

Спустя несколько дней ненавистой бумажной работы офицер приехал лично встретиться в патологоанатомом института, в котором вскрывали «ожившую старушку».

Город всё так же накрывал апельсиновый цвет и он прятался в приятной тени, а солнце по-прежнему играло в прятки за невысокими домами.

Все его домыслы подтвердились: этот больной психопат срезал с недавно откопанной матери кожу и, сшив из неё «костюм», одевал на себя. Отрезав себе гинеталии, полностью перевоплотился в мать: набил кусками плоти искусственную грудь, намертво приклеил скальп из волос. Напялив поверх всего сарафан, был доволен своим перевоплощением.

– Конечно это психически нездоровый человек, – заметил патологоанатом, – вдобавок он отрезал себе губы и кончик

носа. В таком виде он и ходил по окрестностям?

– Да. Писали в местных блогах о том, что видели призрак женщины, – задумчиво отвечал офицер. – Именно это меня и заинтересовало.

– Вы – полицейский, и интересуетесь мистикой?

– Увлечение детства – скорее чтобы опровергнуть.

– Ну тогда этот интерес мне понятен.

Врач неожиданно вспомнил и окликнул копа:

– Кстати, вы отыскиали своего коллегу?

– Нет. Поиски продолжаются, – доложил он и, развернувшись, направился к полицейской машине.

На небольшом холме, в то самое время, когда офицер ещё разговаривал с патологоанатомом о судьбе напарника, внутри амбара, продуваемого всеми ветрами, начал шевелиться пол.

Доски пола амбара, выгнувшись, издали усталый и короткий хруст и, раскинувшись по сторонам, лениво раскинулись в стороны.

В темноте совсем было не разглядеть того, кто вытаскивал большой и грузный мешок, из которого сочилась чёрная, вязкая жижа.

На пепелище дома в нескольких местах прорывался едкими, вонючими струйками дыма.

На место, где оставался призрачный намёк на входные двери, вышла пожилая, искорёженная в осанке женщина с тем самым мешком. И если бы кто-то мог её сейчас видеть,

то сильно удивился бы тому, какие она приобрела под своим носом пышные, густые усы.